

УДК 82

М. Шолохов в современной Германии

Стопченко Николай Иванович

Доктор культурологии, профессор,
Южный федеральный университет,
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая садовая, 105,
e-mail: nikis.don@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена восприятию и освоению творчества М.А. Шолохова в культуре современной Германии, когда исчезло понятие «расколотое небо» и миллионы немцев ощутили себя в новом жизненном пространстве и в новой эпохе. Культурологическое исследование наследия русского классика на новом этапе немецкой истории требует осмысления нового диалогического уровня российско-германских взаимосвязей, выявляющих неоднозначные параметры их существования. Подход к Шолохову-художнику в объединённой Германии складывается весьма непросто, хотя он продолжает находиться в центре внимания славистов, публицистов, критиков и советологов – «исследователей Востока». Литературный «остфоршунг» настойчиво дискредитирует его творчество, муссирует сфабрикованный миф о «плагиате» «Тихого Дона». Но не они – тайные и явные недоброжелатели России и ненавистники русского гения – определяют судьбу и уровень освоения его наследия в Германии. Гораздо больше его верных почитателей во всех слоях общества, в том числе в научных кругах, продолжающих и сегодня лучшие традиции немецкого шолоховедения. Оставаясь верными своим научным и гражданским принципам, истинные учёные наследуют их, разносторонне и объективно изучая творчество Шолохова и его время, несмотря на общественно-политические метаморфозы немецкой истории XX-XXI веков. В объединённой Германии (1990-2013), несмотря на кардинальную переоценку ценностей в новом обществе, созидательное научное

русло сохранилось и помогло устоять миру Шолохова. Серьёзные немецкие слависты стремятся выявить глубинные уровни поэтики и эстетики Шолохова в наследовании традиций русской классики, дать объективный анализ его произведениям и жёсткий отпор в сочетании с доказательной базой клеветническим нападкам по «шолоховскому вопросу». Именно об этом размышляет крупнейший славист В. Байц в своей монографии, ставшей важной вехой в национальном и мировом шолоховедении. Интерес к творчеству Шолохова, особенно к судьбе «Тихого Дона», продолжает сохраняться на немецкой земле. Национальное своеобразие его восприятия в современной Германии сформировалось, прежде всего, на основе изучения художественно-эстетических и социально-политических факторов, включая богатую гамму философско-культурологической мысли. Глубокие перемены в немецком обществе привнесли в шолоховедение новые уровни постижения певца России. При знакомстве с произведениями русского классика-академика идёт формирование активной, общественно-ориентированной, созидательной диалогической мысли, обращённой на духовное состояние немецкого общества.

Ключевые слова

Объединённая Германия, «расколотое небо», «осси» и «весси», проблема толерантности, немецкое шолоховедение, Григорий Мелехов, славистика, советология, «исследователи Востока», Год Шолохова.

«Пришло время взвешенной оценки русского писателя, который является самым значительным романистом XX столетия».

Вилли Байц, 2009

Введение

С объединением Германии исчезло бытовавшее сорок лет понятие «рас-

колотое небо» (К. Вольф, ГДР) и миллионы немцев ощутили себя в новом жизненном пространстве и в новой эпохе. Казалось бы, радикально решена национальная проблема народа, остававшегося разъединённым на протяжении 45-летнего периода после окончания Второй мировой войны. «Однако, как показали возникшие во взаимоотношениях между восточными и западными

немцами осложнения, – отмечают авторы солидной монографии «Германия. Вызовы XXI века» (2009), – формально-юридическое единство не означает автоматически культурного и цивилизационного единства даже среди тех, кто одинаково называет себя немцами»¹. Иную точку зрения утверждает сегодня опытный журналист-международник В.Ф. Лапский. «В единой Германии, – авторитетно утверждает он, – слова «осси» и «весси» практически вышли из обихода и воспринимаются как сугубо исторические. Таким разным, плохо знающим друг друга немцам предстояло вместе жить в родной, но пока ещё непредсказуемой объединённой Германии»². Напротив, последний партийный лидер ГДР Эгон Кренц вновь подчёркивает наличие разобщённости в умах и душах восточных и западных немцев, острую проблему их толерантности³. На протяжении последних двадцати лет разочарование и утрата ценностей – не только восточногерманский феномен, полагает и литературовед-

германист В.А. Фортунатова, делая весьма весомый прогноз на будущее. Жители бывшей Восточной Германии, «осси», больше живут своим внутренним миром, а «весси» воспринимают их более замкнутыми и сдержанными, чем они, западные немцы. Необходимо признать, что германские идентификации носят скорее воображаемый и символический, нежели реальный характер. Феноменология объединённой Германии (с 1990 г.), включающая в себя истоки и процессы определённого смыслопорождения, даёт основания онтологической постановки вопроса. «Единство западного и восточного опыта, рождающего *новую человеческую общность*, – это, по сути, решение важнейшей проблемы, расколовшей весь мир»⁴. Широкий спектр участников диалога по вопросу объединения Германии и надежды на будущее всех народов... Системный цивилизационный подход призван выдвинуть на передний план принцип единства, целостности человечества и мирного разрешения любых социальных конфликтов⁵.

1 Германия. Вызовы XXI века / Под ред. В.Б. Белова. – М., 2009. – С. 749.

2 Лапский В.Ф. Погребённые под берлинской стеной. – М., 2008. – С. 342-343.

3 Кренц Э. Остаюсь оптимистом // Сов. Россия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=56261

4 Фортунатова В.А. Литература ГДР: между фантомом и реальностью // Русская германистика. Ежегодник Российского Союза германистов. Т. 1. – М., 2004. – С. 157, 162.

5 Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. – М., 2010. – 480 с.

Уже в начале 1990-х годов было ясно, констатирует обозреватель-социолог С. Погорельская, что воссоединившаяся Германия не будет старой ФРГ, механически расширившейся на Восток. Новые федеральные земли привнесут в неё свою ноту, а настанет время, возможно, в чём-то и определят её будущее. Двадцатилетний юбилей единства Берлинская республика встречала в сложных условиях. Ушли в прошлое старые угрозы и клише времён «холодной войны» – на очереди новые опасности и новые вызовы. Так что немецкий путь к «нормальности» ещё не завершён⁶. Воссоединение Германии создало совершенно новую ситуацию для развития германо-российских и российско-германских культурных и иных взаимосвязей.

Шолохов-художник на новом этапе немецкой истории

Продолжение культурологического и литературоведческого исследования наследия Шолохова на новом этапе немецкой истории требует осмысления и нового диалогического

6 Погорельская С. Объединённая Германия – детище СССР // Лит. газета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.lgz.ru/article/13978/

уровня российско-германских взаимосвязей, выявляющих неоднозначные параметры их существования. В частности, в Москве состоялась конференция «Российско-германский диалог: насилие в посттоталитарных обществах» (1994), организованная Московским Философским Фондом, редакцией журнала «Вопросы философии», Немецким культурным центром имени И. В. Гёте (Гёте-институт), Российским гуманитарным госуниверситетом и издательством «Медиум».

Подход к Шолохову-художнику в новой Германии складывается весьма непросто, хотя он *продолжает находиться в центре пристального внимания* славистики, публицистики и критики. Пока пять изданий «Тихого Дона» в переводе О. Гальперн-Габорк 2000 году и одно – «Судьбы человека» в переводе О. Брауна в 2009 году, несмотря на формальное прекращение «холодной войны» после распада СССР (1991) и определённых позитивных сдвигов в культурных контактах России и Германии. О русском писателе-классике много пишут, значат, читают...

В первое десятилетие XXI века наблюдается явное «потепление» в их межгосударственных отношениях. В частности, Президент России В.В. Пу-

тин приветствовал проведение в 2003-2004 годах «Российско-германских культурных встреч», отмечая при этом стабильное развитие взаимосвязей между двумя странами. Успешное проведение Года российской культуры в Германии и Года немецкой культуры в России (2004) способствовали укреплению нормальных отношений между государствами и народами, эффективному развитию всего комплекса российско-германских отношений⁷. Президент ФРГ Й. Рау отметил важность Дней культуры России (2003), когда она участвовала в качестве страны-гостя на Международной книжной ярмарке во Франкфурте-на-Майне и вместе с Германией торжественно отмечала 300-летие Санкт-Петербурга. Германия проводила в России Дни немецкой культуры (2004) в Сибири и Поволжье, а москвичи и гости российской столицы знакомились со второй частью художественной выставки «Берлин–Москва», тематически продолжившей первую «Москва–Берлин»⁸ – это лишь не-

сколько из многочисленных пунктов, содержащихся в объёмном календаре разнообразных мероприятий. «За последние годы, – весьма оптимистично подчеркнул немецкий президент, – германо-российские взаимоотношения получили столь всеобъемлющее и многообразное развитие, какого не бывало за всю нашу общую историю». Когда мы обращаемся к нашим сложным взаимоотношениям и кажущейся нам непонятной смене этих отталкиваний и притяжений в русско-немецкой истории, проницательно отметил на совместном российско-немецком «Круглом столе» литературовед В.И. Сахаров, мы видим, что возникают моменты взаимного сближения не тогда, когда наши державы являются сильными, а во время кризиса, обоюдной слабости, когда страны начинают чувствовать необходимость друг в друге, могут друг другу помочь⁹. На деле наряду с настоящей наукой, славистикой и русистикой, сохранилась былая идейно-культурная оппозиция объективному аналитическому подходу к творческой личности Шолохова и всей русской культуре,

7 Приветствие Президента РФ В. Путина // *Kulturen im Dialog: Deutsch-russische Kulturbegegnungen*. – М., 2004. С.5.

8 Полевой В.М. Реалии, утопии и химеры искусства XX века // Берлин – Москва, Москва – Берлин. Каталог художествен-

ной выставки. Престель-Галарт. – М., 1996.

9 Литературная учёба. – 1990. – Кн. 5. – С. 120.

проявляемая литературным «остфоршунгом» – «наукой на распутье», «литературоведческой полицией».

Если посмотреть на судьбы народов России и Германии сугубо внешне, то может показаться, что вражды и противостояния в XX столетии было больше той созидательной культурной работы, которая должна быть нормой отношений. И всё-таки выявляется много общего в исторической судьбе: оно, в конечном счёте, работало и работает на сближение наших народов. «Нет наций в Европе, переживших более бедственное положение, чем русские и немцы в XX веке», – констатировали участники российско-германского «Круглого стола»¹⁰. Систематический диалог между двумя странами продолжает развиваться и сегодня, делая отношения Германии и России в области культуры всё более плодотворными. Они находятся на весьма чувствительной линии соприкосновения национальных культур, от которых многое зависит во взаимопонимании одного народа другим. Так, профессор Тюбингенского университета Р.-Д. Клюге утверждал на «Круглом столе» (1990) перед деятелями культуры обеих стран, что *сегодняшняя ситуация благоприят-*

10 Там же. С. 124.

ствует разным проектам двусторонних контактов и сотрудничества, связанным с распространением русской и немецкой литературы. Один из многих ориентиров в данном отношении – большой проект, который осуществлял в ФРГ писатель-эмигрант Лев Копелев (1912-1997) «Русские в немецкой культурной и литературной традиции». В Вуппертальском проекте, посвящённом многовековым российско-немецким связям и вызвавшим значительный интерес широкой аудитории Германии и России, принимали и продолжают принимать участие специалисты двух стран¹¹. Со своей стороны литературовед и переводчик А.А. Гугнин правомерно высказался о влиянии России на литературу Германии, учитывая поистине необъятный и неизученный материал. Он назвал коллегам-собеседникам некоторые направления исследований: Россия как постоянная и важная тема немецкой литературы от шпильманской поэмы XIII века «Ортнит», где активным действующим лицом является «русский король» Илья Муромец, и до многочисленных современных авторов; необъятна проблема переводов русской литературы на немецкий язык – от «Слова о полку Игореве» до

11 Там же. С. 122.

Шолохова и других классиков России, роли и места этих переводов в различные культурные эпохи; проблема разнообразных личных знакомств, дружеских отношений и контактов литераторов Германии и России, особенно усилившихся с конца XVIII века с точки зрения их непосредственного влияния на творчество немецких писателей; в особую проблему выделяется изучение воздействия творчества выдающихся русских писателей (Л. Толстой, Ф. Достоевский, А. Чехов, М. Шолохов и др.), чьё творчество составило *целую эпоху в художественном развитии человечества*; роль русской словесности с конца XIX и в XX столетии, когда она получила признание как одна из крупнейших литератур в мире и влияние её стало особенно интенсивным. «Перечень самых важных проблем, непосредственно касающихся воздействия России на Германию в литературной сфере, можно было бы значительно продолжить», – фиксировали участники плодотворной встречи¹².

Через роман «Тихий Дон» отечественному читателю, а потом и читательской аудитории других стран открылся новый мир, о котором она ничего не знала или знала очень мало,

12 Там же. С. 122-123.

а в чём-то даже и превратно. О трагической судьбе донского казачества «как части России и этой части русской нации мы и узнаём впервые при чтении романа «Тихий Дон». Это открытие новой для нас части «русского мира» и составляет главное открытие романа Михаила Шолохова»¹³. Правомерный вывод Р. Медведева, бывшего жёсткого оппонента русского классика, свидетельствует о том, что шолоховское слово одержало важную победу в длительном и трудном диалоге с антишолоховцами.

Углублённый взгляд на творчество Шолохова как продолжение традиций

Среди современных немецких славистов видное место занимает Вилли Байц, широко известный своими содержательными работами о нашем романисте со времён ГДР, организацией и выступлениями на известных Шолоховских симпозиумах, последующих конференциях и коллоквиумах, публикациями последних лет. И сегодня, оставаясь верным своим научным и гражданским принципам, он

13 Медведев Р. «Тихий Дон»: взгляд поновому // Дон. – Ростов н/Д., 2011. – № 3-4. – С. 19.

продолжает лучшие традиции немецкого шолоховедения разносторонне и объективно исследовать наследие Шолохова-художника и его время, несмотря на общественно-политические метаморфозы немецкой истории XX-XXI веков.

Объединение Германии создало совершенно новую ситуацию для развития германо-российских отношений. В обстоятельной статье «Михаил Шолохов – незнакомая земля?» (2006) В. Байц даёт общую картину современной интерпретации русского писателя научной и читательской аудиторией в своей стране. Прежде Шолохов был одним из популярнейших во всём мире романистом, начинает он свой обзор, но со времён противостояния двух сверхдержав США и СССР в «холодной войне» он стал вдруг «спорным»... Обновлённая легенда о «плагиате» Шолохова с «Тихим Доном» не вызвала стремления в западногерманской славистике встать на защиту русского гения. Научно обоснованные возражения пришли от Гейра Хьетсо из Норвегии и Германа Ермолаева из США, в то время как «восточная» славистика (т.е. бывшего соцлагеря – Н.С.) занимала апологетическую и хвалебную позицию. До сегодняшнего дня, полемично фикси-

рует В. Байц, «в западногерманском пространстве, вплоть до левого спектра включительно, содержатся спекуляции и невероятно ошибочные приговоры; пришло время *взвешенной оценки* русского писателя, который является самым значительным романистом XX столетия с Нобелевской премией за 1965 год»¹⁴. Углублённому знакомству с шолоховским творчеством всё ещё мешают некоторые «белые пятна» в его биографии («в России вообще отсутствует биография писателя»¹⁵) и творческой судьбе. Но это не единственные парадоксы, отмечает немецкий славист. Частому утверждению разнообразных связей русского писателя с господствующей при его жизни доктриной в искусстве и официально высокому признанию автора советской властью противостояла его самая большая *художественная независимость*. Его тексты с мнимо легко интерпретируемым реализмом, «традиционно» написанные (как полагал Б.Брехт), требуют сегодня опять-таки углублённого исследования, несмотря на публикацию довольно многих аналитически глу-

14 Beitz W. Michail Scholochow – eine terra incognita? // Utopie kreativ. – 2006, Juni. – Н. 188. – S. 547.

15 Там же. S. 543.

боких работ о Шолохове в России: монографии Ф.Ф. Кузнецова, В.О. Осипова, В.В. Петелина, С.Г. Семёновой, А.И. Козлова, книги А.В. Воронцова, М.М. Шолохова и некоторых других.

В объединённой Германии, времени серьёзной переоценки ценностей в немецком обществе и, разумеется, в национальном шолоховедении, созидательное *научное русло сохранилось* и помогло устоять миру Шолохова. Отрадно встретить сегодня среди немецких славистов тех, кто продолжает искренне стремиться выявлять глубинные уровни поэтики и эстетики Шолохова в наследовании русской и мировой культуры, давать объективный анализ его художественного наследия и жёсткий отпор в сочетании с доказательной базой клеветническим нападкам, учитывая подлинное идейно-эстетические мировидение автора. Именно об этом впечатляюще размышляет В. Байц в своей книге «Михаил Шолохов – в дуэли со временем. Очерки о жизни и творчестве» (Франкфурт-на-Майне, 2009), ставшей определённой вехой в национальной и зарубежной славистике и подчеркнувшей своим появлением важность Дней Германии в России (октябрь 2009 г.). В небольшую монографию наряду с новым материалом

включены ранее публиковавшиеся статьи немецкого слависта последних лет о творческой личности русского писателя-классика, дополненные и заново отредактированные, в частности, брошюра «Шолохов и Сталин. К спорному вопросу о Нобелевском лауреате». Тезисное предисловие «О личности, сочинениях и рецепции Шолохова», а также шесть глав книги, заявляет автор, отражают *новейший подход* к творчеству русского Мастера (особенно к его романам), сформировавшийся после известных социокультурных и политических перемен в Восточной Европе 1990-х годов и не в последнюю очередь благодаря новейшим публикациям о нём в России. Опытный литературовед даёт довольно широкую амплитуду шолоховского присутствия в духовно-художественной жизни России, анализируя его произведения в тесной связи с социальной и культурной жизнью нашей страны, высоко оценивая в его наследии искреннее стремление содействовать благу своего народа.

Отмечая мировую славу русского писателя и выделяя эпопею «Тихий Дон», немецкий славист нелицеприятно, но правомерно резюмирует, что недоброжелатели Шолохова зачастую «проходили мимо настоящих источ-

ников и замыслов его творчества»¹⁶. Острейшие и долговременные разногласия великий роман вызывал, прежде всего, трагической судьбой центрального персонажа – правдоискателя Григория Мелехова (die Figur des Wahrheitsuchers), нагружаемого выдуманной и подрывающей авторский замысел концепцией «отщепенства» (Abtrünnigen), но, к счастью, преодоленной отечественным и немецким шолоховедением.

Распространённая точка зрения на «Поднятую целину» (1кн.) о том, что роман мог использоваться во время коллективизации в СССР и кооперации сельского хозяйства в ГДР преимущественно как «руководство к действию», «учебник» для членов колхоза или кооператива, не выдерживает критики, утверждает В. Байц. Эта социологически-политизированная точка зрения часто повторялась на родине Шолохова, и такое усвоение ушло за границу. «Это поверхностно-прагматическое восприятие как предрассудок стояло на пути эстетического освоения произведения», – резюмирует он¹⁷. Односторонний взгляд с пере-

вёрнутой наизнанку оценкой романа (почти в отрицательной классификации как «производственный роман») продолжал существовать длительное время. Должны были пройти десятилетия с глубокими общественно-историческими переменами, прежде чем критики смогли обратиться к тексту знакового произведения из новых соображений и не оценивать его одномерно... «Упрощённый портрет Шолохова» повлиял на отношение ко второй книге «Поднятой целины» и незавершённому роману «Они сражались за Родину», сделав их «недооценёнными». Но «Судьба человека» (1957), «всемирно известный рассказ Шолохова, нашёл международное признание»¹⁸.

Нечасто немецкие слависты обращали внимание на внешний облик и личностные качества М.А. Шолохова в его лучшие годы. Но пронизательный В. Байц удачно ликвидирует «пробел», давая точную портретную зарисовку писателя и отмечая при этом его «высочайшую чуткость, полноту ощущений художественной натуры, необыкновенную память, выдающуюся твёрдость характерной манеры держать себя и смелость в действиях как государственного деятеля, фило-

16 Beitz W. Michail Scholochow – im Duell mit der Zeit. Beiträge zu Leben und Werk. – Frankfurt a. M., 2009. – S. 11.

17 Там же. S. 19.

18 Там же. S. 11-12.

софскую начитанность – от античности через Спинозу и Маркса до Ницше, потому философствовал в русской традиции прежде всего посредством характеров персонажей, специфики мышления и языка»¹⁹. Такой наблюдательный автор, как Василий Шукшин, был по-настоящему потрясён, когда при своей личной встрече в Вёшенской увидел совсем другого Шолохова, чем описанный многими его коллегами в Москве.

Глубокие духовные взаимосвязи Шолохова-художника с казачьекрестьянской средой Дона сформировали в нём творчески созидательную силу, которая остаётся «центром эстетического колдовства». Масштабностью и мощью воплощения своей «малой родины» русский классик напоминает В. Байцу американский Юг У. Фолкнера и норвежский Север К. Гамсуна, создававших одновременно свои региональные и национальные литературы. Вместе с тем в произведениях Шолохова, особенно в романах, проявляются «попеременно и в связи друг с другом два компонента его писательского таланта: эпик-хронист и драматург». Не случайно немецкий славист проницательно отмечает, что «Шолохов проявил себя с ранних лет

19 Там же. S. 14, 19.

как создатель сильных характеров, причём, высвечивает в них, прежде всего, всё возвышенное»²⁰. Высоко оценивая их человеческое и эстетическое обаяние, он логично сопоставляет шолоховских персонажей с «великими образами английского драматурга (Шекспира. – Н.С.): и только на этом уровне они одновременно возвышаются над временем»²¹. Жизнь в его прозе «чувственно сильна и многокрасочна, символически сгущается в знаменитых картинах природы и соответственно этому – смерть без теневых обрамлений»²², что формирует «историко-эстетическое качество реализма Шолохова как реализма XX века»²³. В связи со сказанным глубокий знаток русского классика отмечает его «обострённое восприятие как колдовство жизни», сосредоточившего внимание на Григории Мелехове как «важнейшей идейно-путеводной (ideenleitend) фигуре романа, настоящем оптическом типе (Augenmensch)», «любопытство которого к миру всегда направлено на познание». Данное обстоятельство позволяет «проявиться у него *особенной искорке*, веду-

20 Там же. S. 69.

21 Там же. S. 62.

22 Там же. S. 64.

23 Там же. S. 73.

щей к рискованным предприятиям и ситуациям»²⁴ и формирующей «дионисийский элемент в этом великом образе»²⁵. Его «трагический парадокс (в ницшеанском смысле) состоит в том, что он пережил высочайшие, опьяняющие моменты наполнения личности в кавалерийской атаке»²⁶, являясь «обладателем беспокойного сознания» «на своём пути в безгранично открытый внешний мир»²⁷. «Эпопея «Тихий Дон» была и остаётся *мощнейшим по влиянию произведением*, которое задавало интерпретаторам не один вопрос. Об этом свидетельствует, например, многие годы социологически сужаемая и идеологически заостряемая «проблема Мелехова», беспокоящая шолоховедов»²⁸. Особенность Шолохова-художника, полагает В. Байц, состоит в том, что он «поднимает богатство новых наблюдений в своём писательском мире, преследуя реалистическую повествовательную стратегию»²⁹ в «колоритной образной системе с неподражаемыми характерами жизненных народных персо-

нажей, освещающей специфику действенного реализма»³⁰ и «мастерского искусства диалога»³¹. Совсем не побочное явление в эстетике Шолохова, когда от понятия «чудинка» выводят обозначение образа «чудик», придав которому многие поразительные качества, вывел русского чудака Василий Шукшин³².

Подкупает в этом труде не только истинно научный уровень, обоснованность выводов исследователя, но и его явная симпатия к русскому гению. В. Байц подчёркивает, что именно покоряющий гуманизм, высокое мастерство и истинная народность творчества роднят его с классиками-предшественниками. Он акцентирует внимание на особенностях эстетики и поэтики «Тихого Дона», «Поднятой целины», фрагментов незавершённого романа «Они сражались за Родину». «Шолохов стремился в своей военной прозе, в отличие от других авторов, не создавать идеальных персонажей. Вероятно, ему хотелось, чтобы в русском оригинальном тексте для выражения «правильный человек» употреблялось «настоящий человек»³³. В этой связи

24 Там же. S. 80.

25 Там же. S. 86.

26 Там же. S. 87.

27 Там же. S. 93.

28 Там же. S. 129-130.

29 Там же. S. 82.

30 Там же. S. 89.

31 Там же. S. 91.

32 Там же. S. 124.

33 Там же. S. 136.

образ Петра Лопахина, по мнению немецкого слависта, «принадлежит к лучшим литературным творениям Шолохова. При экранизации романа его роль получил несравненный Шукшин. Она соединилась для него с глубоким переживанием от встречи с автором, и это сказалось на результате в решении высшего художественного масштаба»³⁴.

Исследователь призывает к более глубокому пониманию Шолохова-художника (хотя в некоторых случаях спорно освещает его отношение и переписку с И.В. Сталиным, саму личность советского лидера), мотивированно ссылается на связь «Тихого Дона» с литературой и искусством импрессионизма, а также на скрытую драматургию «недооценённого романа» и другие элементы поэтики «Поднятой целины». «Мы узнаём в действии этого романа (2 кн.) шолоховскую философию о жизни и смерти, сочетание повседневности с большими делами, с развитием нового»³⁵. Появление в 1950-е годы переводов «Судьбы человека» и второй книги «Поднятой целины» помогло многим немецким прозаикам по-новому взглянуть на темы войны и судеб деревни.

34 Там же. S. 138.

35 Там же. S. 128.

Как сегодня воспринимается рассказ «Судьба человека», после радикальных общественных перемен в Германии и Европе, после ухода ГДР с исторической арены (где произведения Шолохова обильно публиковались, где каждый школьник знал их) и крупных перемен в ФРГ (где Шолохов как раз не принадлежал к фаворитам), – размышляет многоопытный В. Байц. Вероятно, некоторые читатели будут удивлённо протирать себе глаза: Михаил Шолохов со своим рассказом вновь в книжном предложении! Издательство «Büchergilde Gutenberg» осмелилось на это, за что заслуживает похвалу. В прошедшие годы русский лауреат Нобелевской премии меньше рекомендуется у нас для чтения, чем подвергается нападкам: «из-за известных высказываний о диссидентах, которые на самом деле справедливо подвергались критике». И при каждой возможности вновь разогревают помодному подновлённую старую легенду, будто Шолохов совершил плагиат «Тихого Дона» при издании эпического романа. «Российские исследования творчества Шолохова последних лет выбили почву таким выдумкам. Они также представили много биографического материала, который помог нам с большим пониманием рассмо-

треть идейно-политическую позицию писателя в его последние десятилетия жизни». Перемены последних лет способствовали одному: они заострили взгляд на «постоянном в творчестве». По авторитетному мнению В. Байца, шолоховский «малый эпос» является *ключом* к некоторым предшествующим произведениям о войне, в частности, к очерку «Наука ненависти», о котором судят в Германии иногда предвзято. Так как лейтенант Герасимов познакомился с человеконенавистнической жестокостью противника, то в нём формировалась только неукротимая ненависть к фашистам. Шолохов показал её рождение в военной ситуации, когда опасность над его страной ещё не была предотвращена и требовалась концентрация всех сил, особенно духовных и психологических. «Она придавала ненависти как мобилизующей силе ценностное звучание, но Шолохов *не был проповедником ненависти* (er wurde nicht zum Hassprediger)».

Рассказ «Судьба человека» велик в своей простоте и богатом содержательными связями каждом эпизоде как моменте реальной жизни, твёрдо заявляет немецкий славист. Он занимает особое место в творчестве Шолохова. В судьбе много испытавшего

и несломленного Андрея Соколова Шолохов выразил жизненную философию и эстетический образ. Будучи в неволе, он нашёл в себе силы воли и духа, чтобы выдержать все испытания и остаться Человеком. Написанная на поворотном пункте общественной жизни, «Судьба человека» соотносится в то же время с прежней фазой творческого пути Шолохова и сопоставляется с повестью «Старик и море» Э. Хемингуэя и рассказом «Переправа» А. Зегерс. Это произведения, в которых нашли своё выражение достигаемые горизонты и собранная мудрость жизни в невероятно мотивированной плотности текста повествования³⁶. В трудах В. Байца последних лет, несомненно, сказывается высокий уровень достижений в немецком шолоховедении.

«Остфоршунг» как оппозиция шолоховедению

Несмотря на названные позитивные сдвиги в культурных взаимосвязях России и Германии, целенаправленная дискредитация русской культуры, наследия Шолохова в том

36 Beitz W. Vorwort // Scholochow M. Ein Menschenschicksal. – Frankfurt a. M., 2009. – S. 7, 8, 10, 11, 15, 16, 21.

числе, продолжается «исследователями Востока» и так называемой «мягкой советологией» Запада. Об этом справедливо говорил славист В. Байц: «Уже более десяти лет в местной прессе подавали образ русского писателя Михаила Шолохова, который, преднамеренно искажаясь в духе идеологически созданных клише, выглядел далёким от реальностей жизни»³⁷. Литературный «остфоршунг» настойчиво продолжает муссировать сфабрикованный миф о «плагиате» «Тихого Дона». Новые позитивные штрихи и тенденции, разумеется, дают себя знать, но сущность деятельности данной организации, видимо, не изменится до тех пор, пока существует Россия и её великая культура. Провокации вокруг Шолохова становятся всё более «утончёнными» и «научными», тактика – не столь «лобовой». Нередко говорится о заслуженном мировом признании, непревзойдённом мастерстве художника, хотя вместе с тем возвращается былая жёсткость и непримиримость литературного «остфоршунга» и не уходит из поля зрения клеветнический «шолоховский вопрос». Отмечая двурушническую

37 Beitz W. Scholochow und Stalin. Ein Beitrag zur Kontroverse um den Literaturnobelpreisträger. – Berlin, 2007. – S. 7.

роль его нового инициатора, славист верно подчеркнул, что «Солженицын откровенно восхищался «Тихим Доном» как великим произведением искусства... Он смог после своего разрыва с советской системой приписывать авторство не только своему политическому контрагенту... Его четырёхтомная романная серия «Красное колесо» отражает часть русской истории, но всё же в ней отсутствует художественная сила «Тихого Дона»³⁸.

Наши выводы далеко не беспочвенны. Ранее известный своим высоким научным уровнем «Журнал по славистике» («Zeitschrift für Slawistik») неожиданно опубликовал статью двух диссидентов, бывших российских соотечественников Л. Аксёновой и Е. Вертеля «Об авторстве «Тихого Дона» (1992)³⁹. В ней собрана вся история о мифическом «плагиате», сравнимая по своей псевдонаучности разве что с «Загадками и тайнами «Тихого Дона» (Самара, 1996) и их «дополнением» – «Загадками и тайнами «Тихого Дона»: двенадцать лет поисков и находок» (Москва, 2010). Западногерманский профессор-славист В. Казак,

38 Там же. S. 9.

39 Aksionova L., Vertel E. Zur Autorschaft des «Stillen Don» // ZfSl. – 1992. – H. 4. – S. 552-572.

известный у себя на родине и в России спорными работами о русской классической и советской литературах, внёс свою лепту в хор недоброжелателей статьёй «Русские лауреаты Нобелевской премии» (1997). Присуждение этой премии Шолохову «принципиально оказывается спорным; со времени первого издания «Тихого Дона» распространялись названные слухи и появлялись всё новые свидетельства, что он будто бы совсем не автор романа»⁴⁰. С аналогичным мнением выступил швейцарский эссеист и «эксперт по России» Ф.Ф. Ингольд в популярной в Германии «*Neue Zürcher Zeitung*»⁴¹. «*Leipziger Zeitung*» поместила статью к юбилею Шолохова (!), которая подхватила все распространяемые злонамеренные утверждения о русском писателе с целым рядом грубых фактических ошибок⁴².

Немецкий публицист В. фон Шелиа обратился к очерку «Наука

ненависти», но с совершенно иной идейной и профессиональной позицией виделся ему автор и его главный персонаж. Малая проза Шолохова является якобы «учебным материалом о том, как обычный человек становится машиной убийства и позволяет ненависти к немцам проявляться легитимно; очерк – призыв к ненависти с аргументами». Вопреки истине и логике, русский писатель в который раз до и после объединения Германии обвинялся «исследователями Востока» в апологии ненависти «ко всем немцам». Опытный дезинформатор перенёс «науку ненависти» на весь немецкий народ, сознательно играя на чувствах соотечественников и скрывая тот факт, что именно потому, что советские люди тогда научились так думать, они смогли победить фашизм. Не меняет позицию и нашу оценку фраза рецензента «Впредь должны делаться различия между немцами и нацистами»⁴³.

Кризис современной цивилизации проявляется, конечно, по-разному в России и Германии. Но проявления кризиса в столь разных странах, полагает социолог В.В. Маслов, имеют очень много общего. Сегодня в Герма-

40 Kasack W. Die russische Nobelpreisträger // *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*. Göttingen. – 1997. – Bd. 107. – S. 54.

41 Ingold F.Ph. Geklonter Nobelpreisträger. Ein epochaler Betrug – neue Debatten um Michail Scholochow // *Neue Zürcher Zeitung*. – 2006. – Nu. 194(227). – S. 41.

42 Heise U. Umstrittener Autor der grossen Donkosaken-Saga // *Leipziger Zeitung*. – 2005, 24. Mai. – S. 9.

43 *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. – 2007. – Nu. 123. – S 3.

нии бросается в глаза духовный кризис общества, прежде всего кризис морали. Конечно, проявления этого кризиса наблюдаются и в других странах, в том числе – в России, но в Германии существует «местный колорит»... В этой стране, резюмирует учёный, не желают слышать ничего о героизме. В эпоху нацизма официальная пропаганда усердно насаждала примитивный, плакатный образ героя – сверхчеловека арийской расы, призванного «навести порядок» в мире и установить тысячелетний рейх. Обыватель уверовал во всемогущество арийского героя. В 1945 наступил шок: «герой» стоял на коленях, соглашаясь на безоговорочную капитуляцию. В итоге сегодня в Германии – в качестве защитной реакции от нового разочарования – вообще отрицается героизм, героическое⁴⁴. Неприятие его даёт себя знать в интерпретации очерка «Наука ненависти» и всей военной прозы Шолохова.

По-прежнему авторы не принимают во внимание наличие многообразных биографических штрихов в заветном творении Шолохова, серьёзных аналитических исследований с доказательными опровержениями

«плагиата» и «соавторства» авторитетными российскими и зарубежными учёными. «Обвинение, предъявленное Шолохову, – уверенно заявили скандинавские слависты во главе с Гейром Хьетсо, – можно считать уникальным: этот автор в такой степени является предметом национальной гордости, что бросать тень сомнения на подлинность его главного произведения, – значит совершить *деяние, близкое к святотатству*»⁴⁵. Не остановили антишолоховцев убедительные научные аргументы и факты известных специалистов, среди которых и полученные методом обследования текста «Тихого Дона» и некоторых других шолоховских произведений электронно-аналитической памятью. Наверняка их не остановят даже счастливо найденные рукописи двух первых книг великого романа (1999)! Посему первой обязанностью литературной науки, о которой она, к сожалению, не всегда помнила, является последовательная научная защита Шолохова и его произведений от несправедливых и вздорных наветов.

В «Литературном словаре Брокгауза» (1999) даны краткие био-

44 Маслов В. Россия и Германия в современной истории // Историческая газета. – 1998. – № 9. – С. 2.

45 Хьетсо Г. и др. Кто написал «Тихий Дон»? Проблема авторства «Тихого Дона». – М., 1989. – С. 17.

графические и творческие сведения о русском писателе и отмечается, что «главное произведение Шолохова – роман «Тихий Дон», где с большим размахом изображается жизнь казаков», но вместе с тем «авторство его частично оспаривается»⁴⁶. Несомненно, здесь находит отражение «версия» И. Медведевой-Томашевской, в которой выдвигался в «соавторы» донской писатель Ф. Крюков. Как известно, славист Г. Хьетсо и его скандинавские коллеги с помощью лингвистико-математического метода определения авторства романа отвергли кандидатуру старшего современника, «тогда как авторство Шолохова исключить невозможно»⁴⁷.

В содержательном справочнике «Ключевые даты XX века» (1999) недвусмысленно отмечалось, что «Тихий Дон», изображающий панораму русской жизни, написан Шолоховым» и подчёркивалось, что «Война и мир» Л. Толстого – образец для многотомного, многократно награждённого романа». Наряду с объективной констатацией и не без тайного злорадства добавлялось, что «среди литера-

46 Der Literatur-Brockhaus: In 8 Bdn. Bd. 7. – Mannheim, 1999. – S. 190-191.

47 Хьетсо Г. и др. Кто написал «Тихий Дон»? Проблема авторства «Тихого Дона». – М., 1989. – С. 184.

туроведов идёт спор, создал ли сам Шолохов роман в четырёх книгах»⁴⁸. Видимо, постоянство такого рода выпадов – знак благонадёжности издания. Напротив, в «Большом энциклопедическом словаре» (1999) нет даже тени сомнения относительно авторства «Тихого Дона»: «роман написан Нобелевским лауреатом по литературе за 1965 год»⁴⁹. Того же мнения придерживаются издатели роскошного фолианта в лучших традициях немецкой полиграфии – в «Хронике XX века» (1999), где обозначенный «1965 год 10 декабря, пятница» памятен на планете тем, что «советский романист Михаил Шолохов награждён Нобелевской премией за свой эпос «Тихий Дон»⁵⁰.

Сравнительно недавно, в честь 100-летнего юбилея Нобель-приза, в Германии выпущено специальное справочное издание, которое ежегодно затем пополняется всё новыми именами – «Энциклопедический словарь лауреатов Нобелевской премии» (1999). Солидное издательство Гаренберга во многом отошло от традици-

48 Harenberg: Schlüsseldaten XX. Jahrhundert. – Dortmund, 1999. – S. 594.

49 Meyers grosses Taschenlexikon: In 25 Bdn. Bd. 20. – Mannheim, 1999. – S. 57.

50 Chronik des XX. Jahrhunderts. – Bochum, 1999. – S. 409.

онного для немецких справочников беспристрастного стиля. Решением присудить Нобелевскую премию Шолохову, сообщало оно, Шведская академия удостоила автора, который «не принадлежал к числу восточноевропейских диссидентов», а, напротив, «занимает своё прочное место в советской культурной иерархии». Подробно говорится о его постах, званиях, наградах и особо «высоких покровителях», которые надеялись, что его творчество находится в тесных идеологических рамках «соцреализма». И вновь озвучена давнишняя мечта «исследователей Востока» – оторвать «Тихий Дон» от современного развития отечественной литературы, отказав ему в авторстве и противопоставив другим произведениям русского художника. «Сын донской крестьянки, – отмечал аноним Б.Б., – сам не казак по происхождению, он изображает Дон образным, исконно богатым языком и в пластических картинах, в абсолютном богатстве конфликтов судьбу донских казаков». Но дальше следует обычное для представителя «остфоршунга» коварство: «Шолохов предстаёт как автор не бесспорный»⁵¹.

И подаётся набор знакомых изошёренных наветов-измышлений. Сразу меркнут все высказанные русскому классику комплименты, оказавшиеся сплошным лицемерием. Порой удивительно быстро усваиваются и распространяются уроки зла...

На всех этапах немецкой истории XX-XXI веков интерес к творчеству Шолохова, особенно к судьбе «Тихого Дона», продолжает сохраняться. Найденная рукопись двух первых книг романа в конце 1999 года и приобретённая московским Институтом мировой литературы имени М. Горького вызвала весьма широкий отклик в научных кругах и в прессе. В частности, авторитетная «Frankfurter Allgemeine Zeitung» (1999) напечатала статью анонимного публициста под броским названием «Тихий Дон»: Рукопись оригинала найдена в Москве». Он справедливо фиксировал, что «ценная находка должна закончить длительный спорный вопрос об авторстве нобелевского лауреата через 70 лет». И делал объективный вывод: «Анализ стиля и почерка, несомненно, доказывает авторство Шолохова». Но обойтись без «ложки дёгтя» автор публикации явно не мог: «Шолохов оставил рукопись романа у своего московского друга Курчатова (Куда-

51 Harenberg: Lexikon der Nobelpreisträger. – Dortmund, 1999. – S. 361-362.

шева! – Н.С.), после немецкого плена попавшего в советский Гулаг»⁵². Сознательная небрежность и искажение фактов наглядно говорят о научной и идейной позиции публициста. В этом же ключе написана книга по истории русской литературы (2002) под редакцией К. Штедке, где в главе о «Тихом Доне» игнорировались эстетические достоинства романа и не забывалась легенда о «плагиате»⁵³.

В XXI столетии всё настойчивее звучат в германо-российском диалоге голоса тех, кто понимает важность и необходимость добрых отношений между нашими странами. Среди них выделяется аргументированное мнение бывшего посла ФРГ в Советском Союзе Андреаса Майер-Ландрута «Моя судьба связана с Россией»⁵⁴. Но случается и другое...

В развёрнутой статье «Громкий шум о «Тихом Доне». К 100-летию М. Шолохова» критик У. Шмид дал справку: до 1980 года количество изданий произведений русского писателя до-

стигло 974, общим тиражом 79 млн. экземпляров на 84 языках. Правомерно говоря о романе в Год Шолохова (2005) по решению ЮНЕСКО как «событии в русской советской литературе», он не нашёл больше приличествующих случаю доброжелательных и объективных выводов, сосредоточившись только на упрёках юбиляру в «плагиате», потому «Нобелевский комитет принял сомнительное решение»⁵⁵. Предана забвению профессиональная этика и ответственность журналиста. В подобном русле 24 мая 2005 года, в день рождения Шолохова, прозвучала по радио Германии передача «Близость к власти», подготовленная К. Хильшер к юбилею русского писателя. Объективно излагая сведения о его жизненном и творческом пути, раздавая традиционные комплименты о художественных достоинствах «Тихого Дона», «этой потрясающей книге, прочитанной многими в России и на Западе», она увидела в ней только «роман о восстании свободолюбивых казаков против большевистского ига и трагической гибели казачества». В авторе она рассмотрела только «высокого политико-литературного функ-

52 Kho. Stiller Don. Originalmanuskript in Moskau gefunden // FAZ. – 1999, 13. Nov. S. 41.

53 Russische Literaturgeschichte / Herausgeg. von K. Städke. – Stuttgart-Weimar, 2002. S. 327-328.

54 Майер-Ландрут А. Моя судьба связана с Россией... // Завтра. – 2004. № 33, август. С. 8.

55 Schmid U. Lautes Getöse um den «Stillen Don». Zum 100. Geburtstag des Schriftstellers M. Scholochow // Neue Zürcher Zeitung. – 2005, 23. April. S. 47.

ционеру, близкого к власти: в многочисленных речах Шолохов выступал как раболепствующий слуга своей партии». И вновь следовали традиционные для правых⁵⁶ измышления о «шолоховском вопросе»⁵⁷. В этом ещё не раз приходится убеждаться. Так, в публикации о Шолохове анонима Б.Ф., помещённой во внешне безупречном издании Гаренберга «Книга тысячи книг» (2005), говорилось о том, что русский художник – «самый значительный представитель ортодоксальной советской литературы, а «Тихий Дон» – одно из главных её произведений». В нём «с эпической широтой и колоритностью, сравнимой только с «Войной и миром» Л. Толстого, роман объединяет фиктивную семейную хронику с изображением революционных перемен в России». Далее следовал уже обычный для советолога подвох: «Был ли Шолохов действительно автором «Тихого Дона», остаётся спорным», «монументальное произведение, чья история появления не совсем ясна, потому авторство Шолохова до сего дня подвергается сомнению ча-

стью литературоведов»⁵⁸. Как видно, «мягкая советология» только мягко стелет...

Вместе с тем отрадно сознавать, что не «исследователи Востока» – тайные или явные недоброжелатели России и ненавистники русского гения – определяют судьбу и уровень осмысления его художественного наследия в Германии. Гораздо больше его верных почитателей во всех слоях общества, в том числе в научных кругах, продолжающих и сегодня *лучшие традиции немецкого шолоховедения*.

Эпоха Шолохова в Германии

Глубокий идейно-политический перелом 1990-х годов привнёс в отечественное и зарубежное (в том числе немецкое) сознание новые уровни постижения творчества Шолохова. Он дал мощный импульс для постановки новых вопросов и решения некоторых важных проблем современной славистики. Так, в коллективной монографии о русской прозе XX столетия (1993), где имеется глава о нашем классике, известный славист Хельга Конрад активно полемизировала с упрощёнными представле-

56 Передача повторена в эфире 30 июня 2009 года.

57 Hielscher K. Die Nähe zur Macht // Deutschlandfunk. – 2005. – 24. Mai – S. 16-17.

58 Harenberg: Das Buch der 1000 Bücher. – Mannheim, 2005. – S. 975-976.

ниями прошлых лет об изображении народа в «Тихом Доне» и о трагедии Григория Мелехова. Дистанцируясь от былой трактовки «гибридного» жанра романа-эпопеи, она предприняла попытку обновлённого подхода к нему и ко второй книге «Поднятой целины»⁵⁹. В шолоховской главе другой коллективной монографии «От «оттепели» к «перестройке» (1994) старейший славист Вилли Байц стремился определить важную связь между написанными в названный период произведениями Шолохова и новой российской прозой, появившейся в результате крушения СССР и последовавших общественных перемен⁶⁰. В. Байц-славист известен в Германии своими работами о писателе и выступлениями на Шолоховских симпозиумах в Лейпцигском университете (1965, 1975, 1985), среди современных немецких славистов занимает ведущее место. Он и сегодня продолжает публиковать о Шолохове свои новые книги и статьи, несмотря на перемены в социокультурной жизни Германии.

59 Russische Prosa im XX. Jahrhundert. Eine Literaturgeschichte in Einzelporträts 1914-1934 / Herausgeg. von K. Kasper. – München, 1993. – S. 97-120.

60 Vom «Taufwetter» zur «Perestroika». Russische Literatur zwischen den 50-er und 90-er Jahren / Herausgeg. von W. Beitz. – Bern, 1994. – S. 128.

В частности, его последняя обстоятельная статья о русском классике помещена в качестве предисловия к отдельному изданию рассказа «Судьба человека» (Франкфурт-на-Майне, 2009). За прошедшие годы, начинает её маститый шолоховед, русский лауреат Нобелевской премии в объединённой Германии «гораздо меньше рекомендуется для чтения, чем атакуется – из-за известных высказываний о диссидентах, которых он справедливо критиковал»⁶¹. И при каждой возможности подогревают, по-модному подновлённой, старую легенду, будто Шолохов совершил «плагиат» «Тихого Дона». «Российские исследователи Шолохова последних лет *выбили почву из-под ног авторам таким выдумок*. Они располагают значительным биографическим материалом, позволяющим с большим пониманием рассмотреть творческую и политическую позиции писателя в его последние десятилетия жизни». Ненависть к фашизму лейтенанта Герасимова и солдата Андрея Соколова писатель «изобразил как концентрацию мужества, духовных и психологических сил, что придавало ей как мобилизую-

61 Beitz. W. Vorwort // Scholochow M. Ein Menschenschicksal. – Frankfurt a. M., 2009. – S. 7.

щему началу ценностную роль»⁶². В судьбе много испытавшего и несломленного Соколова Шолохов нашёл «жизненную философию и эстетический образ»⁶³. В этом отношении он сделал своими очерком и рассказом первый шаг к спасению чести этих советских граждан, вызвав сильное и длительное читательское впечатление...

Шолохов-художник занимает ведущее место в научных интересах В. Байца-литературоведа. Многолетняя история проведения международных Шолоховских симпозиумов, организованных славистами Лейпцигского университета, отражена в его содержательной статье⁶⁴. Полная драматизма жизнь автора «Тихого Дона» в 1930-е годы стала темой его другого интересного исследования, в котором отразилось обстоятельное знакомство с работами российских шолоховедов⁶⁵. Опытному филологу Эрхарду

Хексельшнайдеру большое видится на расстоянии, когда он с исторической дистанции оценивал присуждение Шолохову звания почётного доктора филологического факультета Лейпцигского университета⁶⁶.

В лучших традициях немецкого шолоховедения предстают и другие работы современных учёных. В частности, в коллективной монографии «Русский роман» (2007) многопланово анализировалось наследие писателя с акцентом на идейно-эстетическое содержание «Тихого Дона». В ней славист Н. Катцер в специальной главе о романе убедительно анализировал основные компоненты русского эпоса и его восприятие⁶⁷.

С объединением Германии исчезло бытовавшее сорок лет понятие «расколотое небо», но духовное разделение немцев на «осси» и «весси» всё-таки продолжается, о чём свидетельствуют полярные по содержанию оценки шолоховского очерка В. Байцем и В. фон Шелиа. Убеждает сила правды и логика анализа первого из

62 Там же. S. 9.

63 Там же. S. 21.

64 Beitz W. Slawische Literaturwissenschaft an der Leipziger Universität // Osteuropa in Tradition und Wandel Leipziger Jahrbücher. Bd. 8.1. Osteuropakunde an der LU und in der DDR. – Leipzig, 2006. – S. 133.

65 Beitz W. Wie M. Scholochow als Konterrevolutionaer überführt werden sollte // Kultursoziologie: Aspekte –

Analysen – Argumente. Bd. 2. – Berlin, 2006. – S. 63-73.

66 Osteuropa in Tradition und Wandel. Leipziger Jahrbücher. Bd. 8.1. – Leipzig, 2006. – S. 311-321.

67 Der russische Roman / Herausgeg. von B. Zelinsky. – Köln, 2007. – S. 359-381.

них. Важно отметить, что изданный в своё время в ГДР очерк «Наука ненависти» переводился на немецкий язык как «Школа ненависти» («Die Schule des Hasses»), а в современной Германии название переводится «дословно» – «Wissenschaft des Hasses», – без понимания или с игнорированием данной «тонкости» в названии очерка. Объективный подход литературно-критической мысли к военной прозе Шолохова заставляет её вступать в серьёзную дискуссию с недалёковидной позицией предвзятости и идеологической ангажированностью. Статьи пасквильянтов-интерпретаторов шолоховского слова даже в 100-летний юбилей и последующие дни рождения русского классика выглядели иной раз некорректно, превращаясь в удручающе однообразные опусы, наполненные трафаретным набором измышлений.

Однако вновь подчеркнём, что не эти тайные или явные недоброжелатели России *определяют* сегодня историческую судьбу наследия Шолохова на немецкой земле: есть множество его верных почитателей разных поколений во всех слоях общества, в том числе и в научной среде, по традиции формирующей значительный уровень современного немецкого шолоховедения.

Позитивные перемены в атмосфере культурного сотрудничества между Россией и Германией не могли не сказаться на развитии добрых отношений к русскому классику. Об этом, в частности, свидетельствуют названные работы В. Байца и его коллег-единомышленников, наши творческие контакты с Государственными библиотеками Берлина и Франкфурта-на-Майне, с Гёте-институтом в Москве, многочисленные визиты в Россию и на Дон деятелей немецкой культуры. Среди них – знакомство с Донским краем немецкой делегации Тургеневского центра (Баден-Баден) и Чеховского салона (Баденвейлер) в августе 2008 года. Поездка была насыщена различными памятными встречами, в том числе посещение музеев на «малой родине» Шолохова и в Ростове-на-Дону. Гостей впечатлила богатая история казачества, о которой в Германии сегодня мало что известно. Чрезвычайно познавательными воспринимались экскурсии по музею-заповеднику под открытым небом в станице Вёшенской. Композиция шолоховского музея созвучна условиям в Баден-Бадене, поскольку и там множество культурно-исторических уголков, расположенных под открытым небом. «Русская классика (в том чис-

ле наследие Шолохова) в контексте сказанного является чрезвычайно значимой, связующей духовной силой, носителем гуманных всечеловеческих ценностей», – отмечали посланцы немецкой культуры на донской земле⁶⁸.

Заключение

В русле названных тенденций находится рецензия публициста Катарини Кречмар на монографию В. Байца «Михаил Шолохов – в дуэли со временем. Очерки о жизни и творчестве» (Франкфурт-на-Майне, 2009). Замысел слависта, написавшего компактную и логично построенную книгу, ясен уже с первых строк, когда он называет Шолохова «одним из самых недооценённых (am meisten verkannten) авторов XX века»⁶⁹. Нападки на него, продолжал справедливо рецензент, возникли на базе идеологически одномерного подхода и зависти. В. Байц обзорно вёл также литературоведческий анализ шолоховского творчества и критически

относился к тому, что дискуссии и распри о писателе препятствовали доступу к его наследию, мешали объективному пониманию и признанию. Он написал уже много статей о Шолохове и внёс свой накопленный опыт в эту книгу, одновременно аттестуя автора как исторического хрониста и художника. «Книга В. Байца создаёт для нас весьма информативный портрет сложного художника, который не поддаётся простому определению. Несколько эмоциональный способ аргументации автора делает качество этой работы без заметных изъянов»⁷⁰.

Национальное своеобразие восприятия Шолохова-писателя в современной Германии сформировалось, прежде всего, на основе изучения *художественно-эстетических и социально-политических факторов* его творческого наследия, включающих богатую гамму философско-культурологической мысли. Глубокие перемены в немецком обществе после 1990-го года привнесли в шолоховедение *новые уровни постижения* певца России, оформив мощный импульс для постановки и решения новых

68 Трейден, фон Л. Нам помогут Тургенев и Чехов // Лит. газета. – 2008, 3-9 сент. – С. 15.

69 Beitz. W. Vorwort // Scholochow M. Ein Menschenschicksal. – Frankfurt a. M., 2009. – S. 11.

70 Jahrbuch für Forschungen zur Geschichte der Arbeiterbewegung. – Berlin, 2011. – S. 207-210.

важных проблем современной славистики.

Рубеж XX-XXI столетий поставил в очередной раз и с особой остротой проблему национальной культурной идентичности русского народа. Она связана, прежде всего, с его нравственным и духовным выживанием перед лицом всё унифицирующей сегодня эпохи глобализации. Человеческий фактор, о котором часто говорят и пишут, оказывается несостоятельным в решении экономических и политических задач без обращения к традициям народного духа и мудрости, к багажу нравственной стойкости и богатствам народного юмора – всего того, о чём полно и впечатляюще поведал в своём Отечестве и за рубежом Шолохов. Он реализовал эстетический канон, о котором рассуждал Гегель: «Содержание и форма эпического в собственном смысле слова составляют мировоззрение и объективный *дух народа* во всей их полноте, представленные в их объективированном облике как реальные события»⁷¹. Духовность шолоховского творчества, дух национального самосознания, изначально свойственный русскому художнику, позволяет приблизиться к раскрытию многих

актуальных для нынешнего времени аспектов культурного, социального и нравственного познания человека и мира. Раскрывая самобытные черты национального русского характера и поведения своих народных персонажей, он проявляет и свою человеческую суть. Духовно-нравственная оценка героев служит у Шолохова конкретизацией общественного статуса человека, его значимости и обладает свойством *универсальности*.

При знакомстве с произведениями русского классика-академика в объединённой Германии (1990-2013) шло формирование активной, общественно-ориентированной, созидательной диалогической мысли, обращённой на духовное состояние общества. Через творческий пульс Шолохова просматривается *вся сложная панорама* российско-германских культурных отношений нашего времени. Целостность его творческой индивидуальности, его способность собрать воедино всю полноту человеческого бытия, его великая вера в действительность Правды, Добра, Красоты и высокую миссию искусства дают сегодня нравственную опору человеческой душе не только в России. Именно поэтому он стал великим русским писателем с мировой славой.

71 Гегель Г.В.Ф. Эстетика. Т. 3. – М., 1971. – С. 426.

Библиография

1. Гегель Г.В.Ф. Эстетика. Т. 3. – М., 1971. – 623 с.
2. Германия. Вызовы XXI века. / Под ред. В.Б. Белова. – М., 2009. – 792 с.
3. Кренц Э. Остаюсь оптимистом // Сов. Россия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=56261
4. Лапский В.Ф. Погребённые под берлинской стеной. – М., 2008. – 352 с.
5. Майер-Ландрут А. «Моя судьба связана с Россией...» // Завтра. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.zavtra.ru/cgi//veil//data/zavtra/04/560/82.html
6. Маслов В. Россия и Германия в современной истории // Историческая газета. – 1998. – № 9. – С. 42-66.
7. Медведев Р. Роман «Тихий Дон»: взгляд по-новому // Дон. – 2011. – № 3-4. – С. 14-37.
8. Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. – М., 2010. – 480 с.
9. Погорельская С. Объединённая Германия – детище СССР // Лит. газета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.lgz.ru/article/13978/
10. Полевой В.М. Реалии, утопии и химеры искусства XX века // Берлин-Москва, Москва-Берлин. Каталог художественной выставки. Престель-Галарт. – М., 1996. – С. 15-20.
11. Приветствие Президента РФ В. Путина // Kulturen im Dialog: Deutsch-russische Kulturbegegnung. – М., 2004.
12. Россия и Германия: культурные взаимоотношения вчера и сегодня (Круглый стол) // Литературная учёба. Кн. 5. – 1990. – № 2. – С. 115.
13. Трейден, фон Л. Нам помогут Тургенев и Чехов // Лит. газета. – 2008, 3-9 сент. – С. 15.
14. Фортунатова В.А. Литература ГДР: между фантомом и реальностью // Русская германистика: Ежегодник Российского Союза германистов. Т. 1. М., 2004. – 320 с.
15. Хьетсо Г. и др. Кто написал «Тихий Дон»? Проблемы авторства «Тихого Дона». – М.: Книга, 1989. – 186 с.
16. Aksionova L., Vertel E. Zur Autorschaft des «Stillen Don» // Zeitschrift für Slawistik. – 1992. – Н. 4. – S. 552-572.

17. Beitz W. Michail Scholochow – eine terra incognita? // Utopie kreativ. – 2006. – H. 188. – S. 542-552.
18. Beitz W. Michail Scholochow – im Duell mit der Zeit. Beiträge zu Leben und Werk. – Frankfurt a. M., 2009. – 152 s.
19. Beitz W. Scholochow und Stalin. Ein Beitrag zur Kontroverse um den Literaturnobelpreisträger. – Leipzig: Rosa-Luxemburg-Stiftung Sachsen, 2007. – 88 s.
20. Beitz W. Slawische Literaturwissenschaft an der Leipziger Universität // Osteuropa in Tradition und Wandel Leipziger Jahrbücher. Bd. 8.1. Osteuropakunde an der LU und in der DDR. – Leipzig, 2006. – S. 150-161.
21. Beitz W. Vom «Tauwetter» zur «Perestroika». Russische Literatur zwischen den 50-er und 90-er Jahren. – Bern, 1994. – 328 s.
22. Beitz W. Vorwort // Scholochow M. Ein Menschenschicksa. – Frankfurt a. M., 2009. – 112 s.
23. Beitz W. Wie Michail Scholochow als Konterrevolutionär überführt werden sollte // Kultursoziologie: Aspekte – Analysen – Argumente. Bd. 2. – Berlin, 2006. – S. 63.
24. Chronik des XX. Jahrhunderts. – Bochum, 1999. – 235 s.
25. Der Literatur-Brockhaus: In 8 Bdn. Bd. 7. – Mannheim, 1999. – 704 s.
26. Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 2007. – Nu. 123. – S. 3.
27. Harenberg: Das Buch der 1000 Bücher. – Mannheim, 2005. – 1055 s.
28. Harenberg: Lexikon der Nobelpreisträger. – Dortmund, 1999. – 703 s.
29. Harenberg: Schlüsseldaten XX. Jahrhundert. – Dortmund, 1999. – 1024 s.
30. Heise U. Umstrittener Autor der grossen Donkosaken-Saga // Leipziger Zeitung. – 2005, 24. Mai. – S. 9.
31. Hexelschneider E. Als M. Scholochow Ehrendoktor der Philologischen Fakultät der K. Marx-Universität Leipzig wurde // Osteuropa in Tradition und Wandel. Leipziger Jahrbücher. Bd. 8.1. – Leipzig, 2006. – S. 332.
32. Hielscher K. Die Nähe zur Macht // Deutschlandfunk. – 2005. – 24. Mai – S. 16-17.
33. Ingold F.Ph. Geklonter Nobelpreisträger. Ein epochaler Betrog – neue Debatten um Michail Scholochow // Neue Zürcher Zeitung. – 2006. – Nu. 194(227). – S. 41.
34. Kasack W. Die russischen Nobelpreisträger // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. – 1997. – Nu. 107. – S. 53-67.

35. Kasper K. Russische Prosa im XX. Jahrhundert. Eine Literaturgeschichte in Einzelporträts 1914-1934. – München, 1993. – 447 s.
36. Kho. Stiller Don. Originalmanuskript in Moskau gefunden // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 1999. – 13 Nov. – S. 10-13.
37. Kretschmar K. Willi Beitz: Michail Scholochow – im Duell mit der Zeit // Jahrbuch für Forschungen zur Geschichte der Arbeiterbewegung. – Berlin, 2011. – S. 207-215.
38. Meyers grosses Taschenlexikon: In 25 Bdn. Bd. 20. – Mannheim, 1999. – 160 s.
39. Schmid U. Lautes Getöse um den «Stillen Don». Zum 100. Geburtstag des Schriftstellers M.Scholochow // Neue Zürcher Zeitung. – 2005. – Nu. 94. – S. 47.
40. Städke K. Russische Literaturgeschichte. – Stuttgart-Weimar, 2002. – 378 s.
41. Zelinsky B. Der russische Roman. – Köln, 2007. – 564 s.

M. Sholokhov in modern Germany

Stopchenko Nikolay Ivanovich

Full Doctor of Cultural Studies, professor,
Southern Federal University,
P. O. Box 344006, Bolshaya Sadovaya str., 105, Rostov-on-Don, Russia;
e-mail: nikis.don@yandex.ru

Abstract

The author convincingly reveals how influential the Sholokhov's creativity for German readers, and notes the deep interest of German slavists, linguists and writers to the creation of the Russian writer. Having analyzed the works of native linguists, historians, philosophers and artists, he comes to the conclusion that, despite the multidimensional coverage of the Sholokhov's creativity, this works do not contain the "conceptual cultural studies approach".

The important fact is noted in the article: German literature in its development was based on achievements of Soviet literature. German writers felt the need for

an artistic dialogue with the Russian philology. The author emphasizes that the appearance of the novel "And Quiet Flows the Don" and its presentation to German readers "was completely and utterly well-timed" because of the ideological and political situation in Germany in 1929-1930, which led to the emergence of the mass of articles and reviews of German writers and critics.

The author quotes from various reviews of Sholokhov's novel "And Quiet Flows the Don", published after the translation of the novel in Germany, that means that all publications were positive, noting the undeniable talent of the Soviet writer, who had a huge impact on readers and writers.

Sholokhov's works have assumed a strong position in the German culture. In spite of the change of policies, the interest in M.A. Sholokhov artistic heritage in Germany has never waned and only changed its content at each new stage of presentation of the works of Russian classic writer of the XX century to German readers.

Keywords

United Germany, "broken sky", "Ossi" and "Vessi", problem of tolerance, German Sholokhov studies, Grigorii Melekhov, slavic studies, sovietology, "researchers of the East", Sholokhov Year.

References

1. Aksionova, L., Vertel, E. (1992), "Zur Autorschaft des "Stillen Don", *Zeitschrift für Slawistik*, H. 4, s. 552-572.
2. Beitz, W. (1994), *Vom "Tauwetter" zur "Perestroika". Russische Literatur zwischen den 50-er und 90-er Jahren*, Bern, 328 s.
3. Beitz, W. (2006), "Michail Scholochow – eine terra incognita?", *Utopie kreativ*, H. 188, d. 542-552.
4. Beitz, W. (2006), "Slawische Literaturwissenschaft an der Leipziger Universität", *Osteuropa in Tradition und Wandel Leipziger Jahrbücher. Bd. 8.1. Osteuropakunde an der LU und in der DDR*, Leipzig, s. 150-161.
5. Beitz, W. (2006), "Wie Michail Scholochow als Konterrevolutionär überführt werden sollte", *Kulturosoziologie: Aspekte – Analysen – Argumente. Bd. 2*, Berlin, s. 63.

6. Beitz, W. (2007), *Scholochow und Stalin. Ein Beitrag zur Kontroverse um den Literaturnobelpreisträger*, Rosa-Luxemburg-Stiftung Sachsen, Leipzig, 88 s.
7. Beitz, W. (2009), *Michail Scholochow – im Duell mit der Zeit. Beiträge zu Leben und Werk*, Frankfurt a. M., 152 s.
8. Beitz, W. (2009), *Vorwort. Scholochow M. Ein Menschenschicksa*, Frankfurt a. M., 112 s.
9. Belov V.B. (2009), *Germany. The challenges of the XXI Century* [*Germaniya. Vyzovy XXI veka*], Moscow, 792 p.
10. *Chronik des XX. Jahrhunderts*, Bochum, 1999, 235 s.
11. *Der Literatur-Brockhaus: In 8 Bdn. Bd. 7*, Mannheim, 1999, 704 s.
12. Fortunatova, V.A. (2004), "The literature of the GDR: between the phantom and reality", *Russian Germanistics: Yearbook of the Russian Union of germanists. Vol. 1* ["Literatura GDR: mezhdud fantomom i real'nost'yu", *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossiiskogo Soyuzu germanistov. T. 1*], Moscow, 320 p.
13. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 2007, Nu. 123, S. 3.
14. *Harenberg: Das Buch der 1000 Bücher*, Mannheim, 2005, 1055 s.
15. *Harenberg: Lexikon der Nobelpreisträger*, Dortmund, 1999, 703 s.
16. *Harenberg: Schlüsseldaten XX. Jahrhundert*, Dortmund, 1999, 1024 s.
17. Hegel, G.V.F. (1971), *Aesthetics. Vol. 3* [*Estetika. T. 3*], Moscow, 623 p.
18. Heise, U. (2005), "Umstrittener Autor der grossen Donkosaken-Saga", *Leipziger Zeitung*, 24. Mai, S. 9.
19. Hexelschneider, E. (2006), "Als M. Scholochow Ehrendoktor der Philologischen Fakultät der K. Marx-Universität Leipzig wurde", *Osteuropa in Tradition und Wandel. Leipziger Jahrbücher. Bd. 8.1*, Leipzig, s. 332.
20. Hielscher, K. (2005), "Die Nähe zur Macht", Deutschlandfunk, 24. Mai, s. 16-17.
21. Ingold, F.Ph. (2006), "Geklonter Nobelpreisträger. Ein epochaler Betrog – neue Debatten um Michail Scholochow", *Neue Zürcher Zeitung*, Nu. 194(227), s. 41.
22. Kasack, W. (1997), "Die russischen Nobelpreisträger", *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*, Nu. 107, s. 53-67.
23. Kasper, K. (1993), *Russische Prosa im XX. Jahrhundert. Eine Literaturgeschichte in Einzelporträts 1914-1934*, München, 447 s.
24. "Kho. Stiller Don. Originalmanuskript in Moskau gefunden", *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 1999, 13 Nov, s. 10-13.

25. Kjetsaa, G. (1989), *Who wrote "And Quiet Flows the Don"? Problems of the authorship of "And Quiet Flows the Don"* [*Kto napisal "Tikhii Don"? Problemy avtorstva "Tikhogo Dona"*], Kniga, Moscow, 186 p.
26. Krents, E., "Remain optimistic" ["Ostayus' optimistom"], *Sov. Rossiya*, available at: www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=56261
27. Kretzschmar, K. (2011), "Willi Beitz: Michail Scholochow – im Duell mit der Zeit", *Jahrbuch für Forschungen zur Geschichte der Arbeiterbewegung*, Berlin, s. 207-215.
28. Lapskii, V.F. (2008), *Buried under the Berlin Wall* [*Pogrebennye pod berlinskoi stenoi*], Moscow, 352 p.
29. Maier-Landrut, A., "My destiny is tied up with Russia ..." ["Moya sud'ba svyazana s Rossiei..."], *Zavtra*. available at: www.zavtra.ru/cgi//veil//data/zavtra/04/560/82.html
30. Maslov, V. (1998), "Russia and Germany in the modern history" ["Rossiya i Germaniya v sovremennoi istorii"], *Istoricheskaya gazeta*, No. 9, pp. 42-66.
31. Medvedev, R. (2011), "The novel "And Quiet Flows the Don": new outlook" ["Roman "Tikhii Don": vzglyad po-novomu"], *Don*, No. 3-4, pp. 14-37.
32. "Message from the President of the Russian Federation Vladimir Putin" ["Privetstvie Prezidenta RF V. Putina"], *Kulturen im Dialog: Deutsch-russische Kulturbegegnunge*, Moscow, 2004.
33. *Meyers grosses Taschenlexikon: In 25 Bdn. Bd. 20*, Mannheim, 1999, 160 s.
34. Motroshilova, N.V. (2010), *Civilization and barbarism in the age of global crises. [Tsvilizatsiya i varvarstvo v epokhu global'nykh krizisov]*, Moscow, 480 p.
35. Pogorel'skaya, S., "United Germany – the child of the USSR" ["Ob"edinennaya Germaniya – detishche SSSR"], *Lit. gazeta*, available at: www.lgz.ru/article/13978/
36. Polevoi, V.M. (1996), "Realities, utopias and chimeras of the twentieth century art", *Berlin-Moscow, Moscow-Berlin. Catalog of an art exhibition. Prestel-Galart* ["Realii, utopii i khimery iskusstva XX veka", *Berlin-Moskva, Moskva-Berlin. Katalog khudozhestvennoi vystavki. Prestel'-Galart*], Moscow, pp. 15-20.
37. "Russia and Germany: cultural relations between yesterday and today (Round Table)" ["Rossiya i Germaniya: kul'turnye vzaimootnosheniya vchera i segodnya (Kruglyi stol)"], *Literaturnaya ucheba. Kn. 5*, 1990, No. 2, p. 115.

38. Schmid, U. (2005), "Lautes Getöse um den "Stillen Don". Zum 100. Geburtstag des Schriftstellers M.Scholochow", *Neue Zürcher Zeitung*, Nu. 94, s. 47.
39. Städke, K. (2002), *Russische Literaturgeschichte*, Stuttgart-Weimar, 378 s.
40. Treiden, von L. (2008), "Turgenev and Chekhov will help us" ["Nam pomogut Turgenev i Chekhov"], *Lit. gazeta*, 3-9 sept., p. 15.
41. Zelinsky, B. (2007), *Der russische Roman*, Köln, 564 s.